

ТРЕТИЙ ШАГ

Повесть

1

Моя мама родилась в России, как называют в Сибири всё, что к западу от Урала, в большом волжском городе, который так и назовем: Российск. Пожалуй, не меньше, чем сам город, известна была его окраина Заливино, где стоял мамин дом — двухэтажный, каменный низ, деревянный верх. Окраина жила рекой, где и рыба, и работа: раньше — бурлаком, водоливом, грузчиком на пристани, некоторые потом выбивались в лоцманы, приказчики, как мой заливинский предок, и даже в купцы и судовладельцы. Великий тракт, проходивший рядом, тоже давал возможность подкормиться, чаще всего не на законных основаниях. А в конце девятнадцатого века рядом с Заливино прошла великая железнодорожная магистраль, давшая работу и кров многим заливинцам. Там все переплелось: разбойные дела, стремительное богатение, революционные выступления, беспризорность с хулиганьем, чистенькие улицы, зловонный берег с отбросами и отходами с овощных причалов, высокий собор, каменная школа.

Школа была рядом, только перейти мимо водокачки на другую улицу, и — вот она, напротив парка. Сразу за парком шел тракт, потом кладбище с березовой рощей и огромный пустырь, за которым начиналась другая слобода, тоже известная, но, в отличие от маминой, только с самой лучшей стороны: своим революционным прошлым (потому она теперь и называлась Красной) и бурно-индустриальным настоящим. Там перед войной построили завод и поселок, который называли соцгород, где во всех домах были горячая и холодная вода, центральное отопление, ванны.

Бабушкин младший брат Леонид работал на строительстве, потом окончил рабфак и политехнический институт, устроился в конструкторский отдел, женился, отметился на сдаче «объекта» и получил однокомнатную квартиру, став гордостью семьи. Но в тридцать девятом дядю Леню арестовали, и в доме поселилось горе. Мать дяди Лени, баба Настя, чуть не каждый день ходила на Воробьевку, где помещалось ГПУ, но ничего толком так и не узнала. Она надолго слегла и потом смогла передвигаться только с палочкой и часами сидела под черной тарелкой репродуктора, ожидая сообщение о сыне «оттуда». Только в конце сорокового года она узнала, что дядя Леня получил десять лет и отбывает срок в УхтЛАГе.

Мама окончила шестой класс, когда началась война. Отца — моего деда Николая Петровича — призвали в армию, и в доме остались четыре женщины, из них двое детей — восемнадцатилетняя Рая и двенадцатилетняя Наташа. Мама радовалась, что ее отец уходит на фронт, она знала, что война будет недолгой, и отец вернется героем, с орденами на кителе.

Фронт подошел совсем близко, но самым главным врагом стал голод. Конечно, это был не блокадный Ленинград, все выжили, однако приходилось не только отрабатывать паек, но и подрабатывать, обменивать, продавать — в общем, крутиться и приспосабливаться.

Быстрее всех приспособилась Рая. Девушка она была видная, да и возраст требовал. В общем, стала она водить «женихов», как стыдливо называла их баба Клава (мамина мать). В основном это были тыловые офицеры и разные снабженцы, которые чувствовали себя в Российске королями. Прабабушка, баба Настя, называла это блядством, зато в доме всегда были и крупа, и мука, а иногда и масло.

До войны работал только мамин отец и обеспечивал мало-мальски сносное существование своей не самой маленькой семьи. Но без отца бабе Клаве пришлось пойти на работу в тот же порт. Работали там по 16 часов, так что мама целый день была представлена самой себе, да еще приходилось помогать бабе Насте, поскольку Рая по дому ничем не занималась. Мама и уголь таскала на себе, и печь топила, и угорали они с бабушкой не раз. А к зиме в порту не стало работы, и бабу Клаву уволили, но тут мамину школу заняли под госпиталь, и баба Клава устроилась там няней. Для младших классов освободили здание библиотеки, а с седьмого по десятый стали ходить в Красную слободу.

Новая школа оказалась большая, трехэтажная, неудобная и переполненная, из-за чего пришлось маме учиться в третью смену и возвращаться домой темными осенними вечерами по пустырю мимо кладбища. Правда,

идти большой компанией было не страшно и даже весело, но однажды мама задержалась в школе, вышла в пустой вестибюль, все поняла и заплакала. Тут женщина подходит в богатом пальто и духами пахнет: «Что такое? Что случилось?» Мама объяснила. Дама подошла к вахте, сняла трубку: «Аркадий? Ты оденься, пожалуйста, возьми свой подарок. Зачем-зачем... Надо! И подходи к школе. Да не беспокойся, со мной все в порядке!»

Вскоре в дверях школы показался мужчина в черной морской шинели, но без погон, в шапке с кожаным верхом. Дама прошла с ними до конца улицы и наказала маме назавтра прийти в школу к двенадцати часам в кабинет директора. А этот солидный дяденька проводил маму до самого дома, и это поразило ее в самое сердце, к тому же он был веселый, шутил и даже стихотворение придумал: «Мы идем, мы ого-го! Не боимся никого!»

Дама оказалась директрисой, она привела маму в класс и спросила: «Кто из вас, дети, сможет потесниться?» И тут поднялась большеглазая девочка в бантиках, похожая на первоклассницу: «Я!» «Молодец, Глебова!» — похвалила директриса. Мама присела рядом с девочкой, которую звали Лялей, и оказалась та, не больше и не меньше, дочкой директрисы.

Они сразу подружилась, но школа все равно маме не нравилась, и она каждый день забегала в свою, чтобы навестить маму и подкормиться. Бабе Клавде полагалась тарелка жиденького супа, она ее всегда с мамой делила. Но мама эти полтарелки с лихвой отработывала. И книжки раненым читала, и письма писала, и за лежачими ухаживала, а уж в конце войны ей давали взрослый паек, как работающей в штате. Так все и решилось само собой: закончила десятый класс и поступила в медицинский институт.

Дедушка с войны пришел живой, но контуженный и душевно изломанный. Баба Настя тут же ему про Раю рассказала. Дед выгнал ее из дома, а сам стал пить по-черному. Напившись, дед гонял бабу Клавду по дому: «Дочь не уберегла!» Как-то выгнал ее и заявил, что пустит обратно только с Раей. Мать привела Раю, и теперь дед гонял по дому обеих, пока Рая не уехала в Москву за счастьем. Но еще до ее отъезда мама поняла, что она лишняя в этом «раю», и сначала ушла жить к подруге, а потом взяла распределение в Сибирь. Так в 1952 году мама оказалась в небольшом старинном городке на берегу великой реки.

Так мы и назовем этот город — Великореченск.

Добиралась мама до него десять дней. Отправляться надо было из Москвы. На столичном вокзале ее встретила сестра Рая. Она выглядела настоящей дамой: белые перчатки, белые носочки, шляпка, и под руку она держала морского офицера в белой парадной форме. Ночевала мама на узком диванчике в их большой комнате с высокими потолками и огромным окном, из которого видно было высотное здание на Смоленской площади.

После прогулок с Раей по Москве и поездок в московском метро все в поезде показалось ей серым: одежда и лица пассажиров, их разговоры, виды за окном, станции, вокзалы, города... Попутчики менялись каждый день, и это вносило в ее вагонное бытие какое-то разнообразие, потому что она без конца вспоминала свой город, дом, друзей.

В Российской осталась у нее подруга Ляля, та самая, что приютила маму. Жила Ляля теперь в трехкомнатной квартире на набережной в самом центре Российска, и для жителя окраины это считалось чем-то запредельным, казалось, живут там какие-то особенные люди. И мама действительно считала Лялю и ее родителей — ту самую даму в дорогом пальто и солидного дяденьку, который провожал ее с пистолетом в кармане, — особенными людьми. Но Ляля в классе была простой, веселой, открытой в общении. Ей ничего не было жалко, она никому не завидовала, ничего не боялась и знала все. Но вскоре школы разделили на мужские и женские, Лялину маму назначили заведующей ГорОНО и дали квартиру «наверху». Встретились мама и Ляля на вступительных экзаменах в мединститут и уже не расставались все шесть лет.

К окончанию вуза у Ляли появился «жених» — актер местного театра. Надо сказать, Лялина семья была очень театральной, благодаря Лялиной маме, которая определяла все не только в своем ГорОНО, но и в семье: Лялин папа после войны прославился как конструктор, получил Сталинскую премию (одну из последних, потом их стали называть Государственными), но в семье он был на вторых ролях, над чем постоянно посмеивался, называя жену наркомом. В доме бывали и местные актеры-режиссеры, и московские знаменитости, а Ляля, можно сказать, выросла за кулисами самого красивого в городе здания.

Мама, как ни старалась, не смогла полюбить театр. Ее мучения начинались в гардеробе, когда она сдавала пожилой женщине в форменном халате свое школьное пальто, продолжались в фойе, среди нарядных женщин и солидных мужчин; ей не нравилось, как неестественно ведут себя на сцене актеры, как они напряженно кричат сорванными голосами. Однажды, в тот момент, когда герой затянулся сигаретой и пыхнул дымом в лицо героине, погас свет, все ахнули, зашумели, застучали сиденьями, но вскоре свет появился, и актеры повторили сцену в той же точно последовательности: актер затянулся сигаретой и выпустил точно такое же кольцо дыма... У мамы осталось чувство, что театр — это для других, для таких, как Ляля, живущих «наверху». Зато мама любила кино и смотрела все подряд; особенно ей нравились трофейные фильмы.

Лялин жених — его звали Сергей — на сцене изображал ловких молодых людей из пьес Островского, рвущихся к богатству любой ценой; и маму долго не оставляло чувство, что он на самом деле такой, хотя вне сцены был Сергей открыт и прост: «Ну, как я вам, Наташа? Вам не хотелось меня ударить тем, что попадет под руку?»

Ляля и Сергей почему-то вовлекали ее в свои дела, редко оставляли одну; Сергей, тот прямо целые сцены из спектаклей ей разыгрывал под насмешливым взглядом Ляли, и мама не понимала, зачем это им надо, потом подумала, что они делают это из жалости и сострадания к ней. Но однажды она поймала на себе взгляд Сергея... Через два месяца на распределении она выбрала Сибирь.

Когда мама сказала дома, что уезжает в Великореченск, все трое — бабушка, отец и мать — в страхе переглянулись. «Туда людей ссылают, а ты — сама, добровольно?» — со слезами в голосе выкрикнула мамина мама, баба Клава. Мама стала успокаивать, что сейчас Сибирь уже не та, там кипит жизнь, туда едет много молодежи... «Дураки туда едут! А там, как была ссылка, так и осталась!» Тут баба Настя аж затряслась и высохшей рукой показала на угол, где все так же висел черный репродуктор, а мамина мать выдвинула ящик комода, вынула конверт и бросила его на круглый стол: «Вот, читай!..»

Вспомнив все это, мама вздыхала: «Скорей бы добраться до этого чертова Великореченска...» Но добраться оказалось не так просто. Пароход из краевого центра (назовем его Крайск) уходил только на следующий день, за билетами надо было записываться в согнутую пополам школьную тетрадку, зато сам речной вокзал был новым, большим, необыкновенно красивым, с высоким шпилем, правда, у мамы было чувство, что она все это где-то видела.

— Вокзал этот в воскресенье открыли, — сообщила соседка по мягкому удобному креслу, молодая женщина в белом платочке на голове. — Как раз праздник был — военно-морского флота. А вокзал-то какой красивый, говорят, такой только в Москве есть.

И тут мама вспомнила, что о предстоящем празднике военных моряков говорил Саша, Раин муж, а сама Рая привозила ее в порт пяти морей Химки, к серому зданию с серебряной иглой над крышей.

— А вы далеко, если не секрет?

— В Великореченск, — сказала мама. — Меня в районную больницу распределили.

— Так и я в Великореченск! Так что ко мне встанете, я третья записалась.

Женщина ждала пароход вторые сутки, но выглядела свежей, бодрой, приветливой, и, глядя на нее, мама позабыла долгую дорогу, общалась с соседкой, рассказала ей про себя, а та про себя: только замуж вышла да сына родила — война началась, муж погиб под Москвой.

— Сама-то я на юге родилась, нашем, местном. Наше село знаменитое, туда революционеров ссылали. Я с шести лет наравне со всеми и в поле, и по дому. Семь лет без продыха. А в тридцать первом нас как кулаков погрузили на лихтер и — на Север. Но и там люди живут, и мы стали жить. Корову завели, с молоком, вроде, как на родной земле, а лето там хоть и короткое, но жаркое, и травы — коси — не хочу. И комбикорм можно купить, не то что здесь. А Вася, муж покойный, не из сосланных, его семья по оргнабору приехала, лесопильный комбинат строить. Он и сам с пятнадцати лет работал. А когда в армию уходил на срочную службу, сказал: «Жди меня, Дашка, отслужу, устроюсь на материке, вызову тебя». Служил на границе с Монголией, друг у него там завелся, родом из Великореченска, уговорил ехать вместе, обещал помочь устроиться... Дали нам большую комнату, стайку с погребом и сеновалом, огородик. Машинку швейную купили, чего еще надо? Я за Васей как за стеной была, хозяйством занималась, себя и его обшивала, пеленки-распашонки готовила, а он в славной конторе хорошо зарабатывал, хоть и выматывался, конечно; а как осталась одна — хоть караул кричи. Ни образования, ни специальности, в городе работы никакой, а у меня малое дите на руках. Я сначала нянечкой в детсадик пошла, куда Геночку устроила, а как сыночек в школу пошел, я — техничкой в школу. Дали ему от школы путевку в пионерлагерь на два сезона. Сезон-то я вытерпела, а как второй начался, купила билет на пароход да и поехала... А больница у нас хорошая, все врачи — специалисты, особенно доктор Воскресенский, не зря в Москве таких людей лечил, — женщина наклонилась к маме: — Из сосланных он, в Москве большой пост занимал, а теперь — враг народа, говорят. А врач замечательный. И жену все ждет, что приедет и будет с ним жить, дом ей построил...

Поговорили еще.

— У нас нонче солнечное затмение было. Ну, богомольцы сразу: «Покайтесь, грешники! Конец света идет!» А кто помоложе, те стекла копят. Мне сына тоже подает стеклышко и говорит: «Пойдем, мама, смотреть затмение». Вышли мы на дорогу, а там ветер такой нехороший, и свет меркнет, меркнет... Потом — раз! — и прямо темнота. Посмотрела я на черное солнце, и страшно мне стало: а вдруг так всегда и будет?.. Голову опускаю, и вижу: Вася мой идет, в дождевике своем. Я прямо ахнула. А это водовоз наш идет пешим с работы, я ему Васин плащ отдала, он мне потом всю зиму воду бесплатно возил. Я как зареву, а он так странно посмотрел на меня и говорит: «Успокойтесь, Даша, это еще не конец света».

Помолчали. Потом соседка предложила:

— А чё сидеть? Ты погуляй, посмотри город, я твой чемодан покараулю.

Дневная жара спала, на набережной под высокими тополями гуляли нарядные горожане, а из парка культуры и отдыха слышались аккордеон и песня. Мама нашла на самой главной улице, проспекте Сталина, гастроном, который ей напомнил московские, он был большой, просторный, с огромными окнами, с мраморными прилавками, с красиво выложенными консервами на полках: крабы, горбуша, икра. Мама купила мягкий батон и колбасы...